

**НОВОЕ
РУССКОЕ
СЛОВО**

NY Public Library
413 E. 14th St.
N.Y.C.

NOVOYE RUSSKOYE SLOVO 413 E. 14th St., New York. N. Y.

ДВЕ ВЛЮБЛЕННОСТИ ГОГОЛЯ

— Н. БЕРБЕРОВА —

Сто лет тому назад в России жило замечательное семейство Михаила Юрьевича Виельгорского, о котором Роберт Шуман сказал, что он был самым гениальным из дилетантов. На музыку этого светского композитора (и на слова Жуковского) пелись в то время романсы. Пушкин однажды писал жене:

«Вчера я был в концерте, данном для бедных в великозальной зале Нарышкиных, в самом деле великолепно. Жаль, что ты ее не видела. Пели новую музыку Виельгорского».

Граф Михаил Юрьевич в тридцатых и сороковых годах прошлого века был средоточием петербургской артистической и великосветской жизни: он был гостеприимен, умен, отличался большим художественным вкусом, имел придворный чин, дружил с Пушкиным, Вяземским, Жуковским, и когда в столице появился Гоголь, взял его под свое покровительство.

Его жена, урожденная принцесса Бирон, дама разборчивая, тонкая, очень скоро почувствовала к Гоголю какую-то особую симпатию. Она не только стала принимать его у себя, но и переписывалась с ним — больше на религиозные темы. Графу Михаилу Юрьевичу Гоголь обязан был постановкой «Ревизора», сперва запрещенного: он же хлопотал перед правительством о напечатании его «Мертвых Душ». Этот высоко стоявший и по рождению, и по связям человек, проявил к их автору большое внимание и большую доброту. Отношение матери и отца к Гоголю передалось и детям Виельгорских.

У них их было много. Вторая дочь, София, в сороковых годах была уже замужем — за писателем, графом Соллогубом, автором «Тарантаса» и «Воспоминаний». Третья долго оставалась в девушках. Старший сын, молодой граф Иосиф Михайлович, чухоточный юноша, жил в Риме, на вилле ки. Зинаида Волконской в то самое время, когда летом, в 1839 году, там жил Гоголь. Это был особенный человек, по свидетельству всех его знавших: воспитанный вместе с наследником (будущим Александром II), он был талантлив во всем, за что ни брался, был образован, готовился стать историком. «Не встречая человека до такой степени бесконечно талантливого», — писал о нем впоследствии М. Погодин, — «и очень удивился, найдя такого в высшем кругу, между воспитанниками двора».

«Они были сладки и томительны, эти бессонные ночи, — так изображал Гоголь свои бдения подле молодого умирающего Виельгорского. — Он сидел больной в креслах. Я при нем. Сон не смел касаться очей моих. Он безмолвно и невольно, казалось, уважал святую ночь бдения. Мне было так сладко сидеть возле него, глядеть на него. Уже две ночи, как мы говорили друг другу ты. Как ближе после этого он стал мне. Он сидел все тот-же кроткий, тихий, покорный. Боже, с какою радостью, с каким бы веселием я принял бы на себя его болезнь! И если бы моя смерть могла вернуть его к здоровью, с какою готовностью я бы кинулся тогда к ней!».

Вилла ки. Волконской находилась на окраине Рима, за церковью св. Иоанна Латеранского. Она была не только роскошно выстроена и убрана (здесь собирался весь цвет тогдашней Италии), но ее сад был как бы посвящен памяти ушедших людей: здесь была урна в память покойного поэта Веневитинова, камень с именем талантливого молодого археолога Рожалина. В особом гроте стоял бюст покойного Александра I, в другом — обломок, посвященный Карамзину и другой — Пушкину. Были камни-памятники умершим слугам княгини и ее отцу. В этом то саду, похожем на прекрасное кладбище, в теплые летние дни работал молодой граф Иосиф над «материалами для литературы русской истории». Когда смеркалось и становилось свежо, он поднимался к себе в комнату и там, у окна, или в кресле на балконе, проводил то-

Н. В. Гоголь

мительную, итальянскую ночь. «Я не был у него в эту ночь, — писал Гоголь, — все в тех же набросках, которые позже назвал «Ночи на вилле». — Я вошел к нему поутру. Он увидел меня, лежащий в постели. Он усмехнулся тем же смехом ангела, которым привик усмехаться. Он дал мне руку, пожал ее любезно. «Изменил! — сказал он мне, — ты изменил мне». — Ангел мой, — сказал я ему, — прости меня».

Гоголь в тот год снимал комнату на той самой виа Систина, на которой жил несколько раз впоследствии. Это было для него счастливое время, несмотря на то, что он переживал болезнь Виельгорского так, как, конечно, переживала болезнь молодого графа только его мать (которой, однако, в Риме не было). Но именно потому, что Гоголь был так захвачен другим человеком — в первый и последний раз в жизни — это давало ему странное счастье, по которому он в поздние годы не раз тосковал. Его жизнь как бы приостановилась, несмотря на писание «Мертвых Душ», несмотря на дружбу с новыми людьми, римскими художниками, несмотря на знакомство с Италией, которую он так любил. Вилла Волконской в эти месяцы была средоточием его бытия: оставляя виа Систина и свою комнату, он проводил у княгини почти целые сутки — зная, что Виельгорский недоглотчен, он жадно спешил прожить рядом с ним его последние часы.

«Что ты приготовил для меня такой дурной май? — сказал он мне, проснувшись, сидя в креслах, услышав шумевший за стеклами окон ветер, срывающий благоволия с цветших диких жасминов и белых акаций, и клубивший их вместе с листьями роз. Я его оставил за три часа до этого времени, чтобы доставить какое нибудь разнообразие, чтобы мой приход потом был ему приятнее. Он уже более часу сидел один. Гости, бывшие у него, давно ушли. Томление скуки выразилось на лице его. Он меня увидел. Слегка махнул рукой. «Спаситель ты мой!» — сказал он мне. Они еще до ныне раздаются в ушах моих, эти слова. «Ангел ты мой, ты скучал?» — «О, как скучал», — ответил он мне: Я поцеловал его в плечо. Он мне подставил свою щеку. Мы поцеловались; он все еще жал мою руку».

Май проходил. Шумная

жизнь на вилле Волконской как будто все меньше доходила до больного и его друга. В это время княгиня уже приняла католичество, и теперь окружала себя патерами, великими с ней долгие душе-спасительные беседы. Гости не переводились: это было римское духовенство, политические деятели, писатели, художники, приезжие русские, светские женщины. На балконе, где лежал молодой граф, они появлялись изредка — Гоголь равно охранял больного. И он и все окружающие его знали, что надежды нет никакой. Осталось ждать и стараться скрасить последние дни этого «младенчески-ясного, прекрасного человека с сильным, твердым характером». «На Ру-

си только свиньи живут», — говорил Гоголь.

«Он не любил и не ложился почти вовсе в постель. Он предпочитал свои кресла и то же свое сидящее положение. В ту ночь ему доктор велел отдохнуть и опираясь на мое плечо, шел к своей постели. Душенька мой! Его уставший взгляд, его теплый пестрый сюртук, медленное движение шагов его — все это я вижу, все это передо мной. Он сказал мне на ухо, прислонившись к плечу и взглянув на постель: «Теперь я пропащий человек». Я глядел на тебя, мой милый, нежный цвет. Во все время, когда ты спал или только дремал на постели и в креслах, я следил

твои движения и твои мгновения, прикованный непостижимо к тебе силою».

Трудно представить себе, как именно любил Гоголь Виельгорского — его чувства такого рода нам вообще неизвестны, нам не за чем поверить его влюбленность, потому что, как известно, Гоголь никогда никого не любил. Но одно становится понятно по этим записям: это было исключительное чувство и по силе, и по оттенку и вероятно, весь Гоголь был бы другой, если бы ему не пришлось пережить дружбу с Виельгорским. То, что щедро дается другим — и простым смертным, и гениям — возможность любить и быть любимым, Гоголю вовсе не удалось бы узнать, не встретиться он с Иосифом Виельгорским.

Сам он так рассказывал об этой влюбленности:

«Ко мне возвратился летучий, свежий отрывок моего юношеского времени, когда молодая душа ищет дружбы и братства между молодыми своими сверстниками и дружбы решительно юношеской, полной милых, почти младенческих молочных и наперерыв оказываемых знаков нежной привязанности; когда сладко смотреть очами в очи, когда весь готов на жертвования, часто даже вовсе ненужные. И все чувства — сладкие, молодые, свежие — увя! — жители невозвратимого мира — возвратились ко мне. Боже, зачем? Я глядел на тебя, мой милый, молодой цвет...».

И в России, и в Риме и, конечно, в самом семействе Виельгорских знали о дружбе, соединившей этих двух людей. Семейство умирающего с благодарностью говорило о Гоголе; в Петербурге удивлялись «самопожертвованию» Гоголя — все знали, какой он эгоист, и даже в любовь его к родным сестрам не очень верили. Письма его на родину, хотя и очень печальные, были в это время пронизаны тем светом, который уже никогда больше не зажегся в них. Он рассказывал о своем друге, о бессонных ночах, проведенных с ним, о его талантах, загубленных болезнью.

Княгиня Волконская, сначала очень Гоголя любившая, накануне смерти графа едва не поссорилась с ним: она желала, чтобы католический, а не православный священник напутствовал умирающего.

Грустный и молчаливый, Гоголь в тот день пошел по городу — бродить куда глаза глядят. (Окончание на 7 странице)

ДВЕ ВЛЮБЛЕННОСТИ ГОГОЛЯ

Начало на второй странице
глядят, искать русского священника для исповеди умирающего друга. Он нашел его и привел в сад, где на подушках лежал граф Виельгорский. Гоголь сам читал отходную, князь Репин, бывший при этом, держал больного, принимавшего причастие, и читал за него «Верую». Тут же молча присутствовали Е. И. Черткова, которую Виельгорский очень любил и графиня М. А. Воронцова. Когда Виельгорского перенесли в его комнату, там уже был аббат Жерве, приглашенный княгиней Волконской. Она нагнулась к умирающему и тихо шепнула аббату:

— Вот теперь настала удобная минута обратить его в католичество.

Аббат возразил, что в комнате умирающего должна быть полная тишина, — видимо, ему было неловко от ее настойчивости. Волконская впоследствии говорила, что она видела, «как душа Виельгорского вышла из него католическая» (Воспоминания княжны В. Н. Репниной).

Граф перед смертью был так слаб, что Черткова вместе с Гоголем держали перед ним стакан с питьем. Муж Чертковой, видимо, несочувствовавший симпатии своей жены к молодому графу, требовал ее спешного отъезда из Рима. Когда она покидала больного, за несколько часов перед его смертью, Иосиф в порыве нежности и благодарности к ней снял с руки своей кольцо и надел ей на палец. Княгиню Волконскую это покорило и она тут же громко произнесла: «это безнравственно!» Но Иосифу Михайловичу уже было безразлично, что скажут о нем его друзья.

Гоголь остался один. В своей жизни он уже пережил однажды смерть близкого человека — смерть обожаемого им Пушкина. Сейчас новая потеря была окрашена в другой цвет — отчаяния, поэзии, личного одиночества. Он с грустью выехал в Ниццу, к матери своего молодого друга, и сообщил ей эту новость, которой сперва она не хотела верить. Помотавшись по Европе, он скоро вернулся в Россию, но долго еще не заживала в нем эта рана, и не было человека во всю его жизнь, который мог бы заменить ему его героя «Ючей на вилле».

#

Прошло 11 лет. Отношения с милым для него семейством Виельгорских продолжались. Гоголь свято хранил у себя Библию, подаренную ему Иосифом Михайловичем, с надписью: «Другу моему Николаю». В 1850 году он уже был совершенно другим человеком — по дозрительным, ипохондриком, потерявшим почти половину своих друзей. Неизвестно, что именно свело его с младшей сестрой покойного его друга, графиней Анной Михайловной. Ей было в то время под тридцать. Как и ее старшая сестра, она жадно прислушивалась ко всему тому, что говорилось Гоголем у них в доме, его религиозность не только заражала ее, но благодаря ей, Анна Михайловна почувствовала в Гоголе учителя. Возмо-

но, что это было увлечение чисто духовное, свойственное не очень юным девушкам того времени, но возможно, что было и другое: Гоголь во всяком случае, ответил ей на ее чувство, как умел. Он переписывался с ней (причем письма его носят весьма нравоучительный характер), много беседовал с ней, читал ей отцов церкви. В. А. Сологуб в своих «Воспоминаниях» говорил об Анне Михайловне как о «единственной женщине, в которую Гоголь был влюблен». Может быть, так оно и было, во всяком случае, как говорили, он пытался изобразить ее в Уленьке (2я часть «Мертвых душ»). Образ вышел не слишком живой. Одно несомненно: Гоголь сватался к графине Виельгорской и получил отказ.

Пока Гоголь вел с влюбленной в него девушкой разговоры, давал ей советы «не танцевать», «не вести праздных разговоров», говорил ей откровенно, что она дурна собой, — и мать и отец Виельгорские, очень Гоголя любившие, не

вмешивались в эту дружбу. Но когда Гоголем было сделано официальное предложение, весь этот «роман» оказался вдруг «невозможен». Титулованные, сановные люди, они не могли допустить мысли о браке их дочери с мелкопоместным дворянином — пусть гениальным литератором. Оба назвали мысль Гоголя просто «странной», непонятно откуда взявшейся у человека «с таким умом».

Гоголь пережил отказ Виельгорских без особых страданий. В своем последнем письме к Анне Михайловне он просит не считать его чужим. Больнее было ему оторваться от всей семьи в целом — здесь еще жива была память об умершем его друге, чувство к которому Гоголя было, конечно, неизмеримо сильнее, чем к его сестре.

Больше он никогда не пытался сблизиться с женщиной и, вероятно, вскоре понял, что был бы смешон под венцом. Много позже Анна Михайловна вышла замуж за кн. А. И. Шаховского. Но Гоголь в то время уже не был в живых.

Н. Берберова.